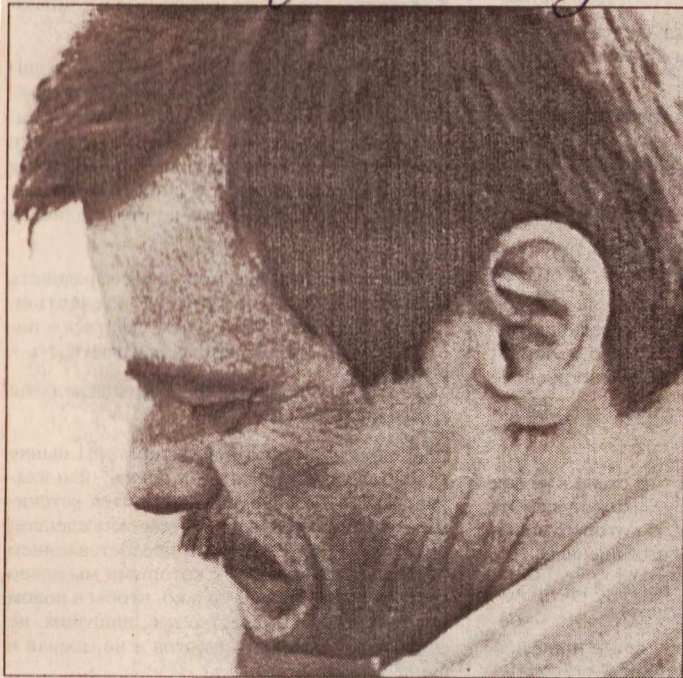

Возвращение

Лит. газ. — 1996. — 25 дек. — с. 6.

К десятилетию со дня смерти
Андрея Тарковского
в древнем Юрьевце — городе его детства —
открылся музей великого кинорежиссера

НОЧЬ в поезде до Кинешмы, еще полтора часа на петляющем вдоль Волги автобусе — и вы в Юрьевце. Этот деревянный городок с поленищами во дворах, ранними сумерками и лаем бессонных собак едва ли не ровесник Москвы. Но Москва хлопотливо несется впереди прогресса, Юрьевец же давно и безнадежно застрял на перепутье, остановился и замер.

А мы живем как при Екатерине...

Эта ахматовская строчка сама собой вспоминается всякий раз, когда здесь с удовольствием повторяют, что город не перестраивался с екатерининских времен. Не загубить можно и не перестраивая.

Сорок лет назад, в середине пятидесятых, ниже по течению, под Горьким, Волгу перегородили очередной плотинкой — и Юрьевец наполовину ушел под воду. Теперь он стоит не на реке, а на водохранилище, отгороженный от него бесконечной дамбой. В километре от берега выступают из воды черные камни. Это развалины бывшего городского монастыря. Там же, на дне, среди улиц и переулков оказалось полтора десятка церквей. В надводной части Юрьевца столько не наберется.

В городе рассказывают, будто в 70-х годах перед съемками "Зеркала" Андрей Тарковский неожиданно наведывался в Юрьевец. Может быть, в поисках натуры. В мрачном ожесточении ходил по дамбе. На него было больно смотреть.

— Когда я вижу в "Зеркале" у Тарковского потоки воды, — говорит

Т.В.Жилинина, заведующая новым музеем, — то понимаю, откуда она, эта вода, пропитавшая, наполнившая, затопившая его прошлое.

Впрочем, однажды кто-то из западных журналистов спросил Тарковского, почему в его фильмах так много воды, и он зло ответил:

— Я люблю воду.

ЗА НЕДЕЛЮ до рождения первенца его отчаянные родители отправились из Москвы в северную глушь — к своим старикам. Сутки тащились на поезде, затем в санях по разбитой дорожке, переночевав на постоялом дворе, покатали мимо Юрьевца в село Завражье на другом берегу Волги. Там он и родился — прямо на обеденном столе, накрытом белой крахмальной скатертью...

В Юрьевце Андрей Тарковский жил вместе с матерью и младшей сестрой у овдовевшей завражской бабушки в 36-м году, когда ему было четыре года (и как раз тогда он выучился читать), да во время войны, в эвакуации, с осени 41-го по 43-й год. Характерно, что только в снах из детства герой "Зеркала" чувствует себя счастливым, потому что еще все впереди, еще все возможно.

Одиннадцатилетним он уехал из этих мест, чтобы уже никогда их не забыть.

В двух минутах от дома — флягинская школа, где учился Андрей. Но в мальчишеском владении был целый город — с неоглядной Волгой, с темными окрестными лесами и Глазовой горой, откуда прежде высматривали неприятеля, с Входом-Иерусалимским собо-

ром, где в середине XVII века служил огнестрельный протопоп Аввакум, с опустевшими торговыми рядами и глухими слухами о купцах-первооткрывателях, которые торговали со всем миром.

Кстати, в Юрьевце в крепкой купеческой семье родились братья Веснины, прославившиеся в конце 20-х годов архитектурным проектом Днепрогэса.

И отовсюду была видна пятиярусная красавица колокольня. В Юрьевце убеждены, что нет выше ее во всем Поволжье. Тем не менее перед самой войной те, кому положено, чудо-колокольню решили снести. Показалось безумцам, что она чуть покосилась и, чего доброго, рухнет без их резолюции. Уже и деньги выделили. И не было бы счастья, да несчастье помогло. Началась война — не до колокольни стало. И стоит она до сих пор, не падает.

КАК ЛЕГКО, однако, забылись те времена, когда под всеобщий гул казенного ликования шальные энтузиасты крушили храмы и затапливали города. Сегодня тяжело — вот главное. Раздражаясь от всего, что он видит и слышит вокруг, мой девятилетний собеседник легко перекидывается на пережитые им ужасы гражданской войны. Говорит об убийствах, грабежах, арестах, о том, как люди вымирал от голода...

— Но хуже, чем сейчас, не было? — подначиваю я его.

— Хуже не было! — с азартом выпаливает он.

Конечно, хуже того, что уже случилось с Юрьевцем в эпоху великих стро-

ек, попросту быть не может. Но и последние годы здесь прошли жестче некуда. Свернулась льнопрядильная фабрика, чхает деревообрабатывающий комбинат. Люди жалуются, что жить стало не на что, но как-то живут. По воскресеньям осаждают Юрьевец торговцы из Минска, раскидывают палатки, открывают багажники, захватывают рыночные прилавки, устраиваются под навесами, торгуют из кузовов, выгружаются прямо на асфальт... Куда бы я ни посмотрел — всюду горы теплой обуви и одежды. Прицениваюсь к брюкам.

— Настоящие, драповые, — нахваливает в ответ свой товар цепкая продавщица. — Всего за восемьдесят тысяч, дешевле не найдете.

Но я уже поборол искушение, и она бросает мне вдогонку насмешливо:

— Что, дорого? Вы хотели бы за восемь?

А кто бы не хотел! Но приходится покупать брюки за восемьдесят тысяч, ботинки с натуральным мехом за двести двадцать, шапку за триста — четыреста... Не было бы совсем денег — не покупали бы, а не покупали бы — минские корбейники забыли бы дорогу в Юрьевец. Но пока еще помнят.

В энциклопедическом словаре, переизданном несколько лет назад, Юрьевец назван портом на Волге. Трудно поверить, что при этом у него нет даже пристани. Хочешь с теплохода попасть в город — добрайся вплавь. Столь же непостижимо, что в городе, давшем миру Андрея Тарковского, как будто в насмешку закрылся единственный кинотеатр.

И последний штрих: в двух шагах от волжской воды, на собирающемся по утрам рынке, торгуют смерзшейся ры-

бешкой. На клочке бумаги нацарапано: поллярная тресочка. Приехали.

НАВЕРНОЕ, каждому, кто неравнодушен к Юрьевцу, возрождение города видится по-своему. И каждый по-своему прикидывает, с чего начать. Но самая простая и счастливая мысль — вернуть в Юрьевец Андрея Тарковского. Она принадлежит Фонду Тарковского.

— От первой нашей поездки в Юрьевец сразу после образования фонда, — замечает его директор, искусствовед Паоло Волкова, — до открытия Музея Тарковского прошло шесть лет, насыщенных трудом, борьбой и мучениями. Но город их стоил. Это город глубоких исторических корней и необычайной, изысканной, сонной красоты. Туда бы художники "Мира искусства". Не случайно с ним у Тарковского напрямую связано "Зеркало". Но и в "Андрее Рублеве" я узнаю изображение зимнего Юрьевца. Там с Голго-

фы виден город, расположенный на крутом холме, с деревянными домиками, соединенными пологим заборчиком. Это точь-в-точь Юрьевец.

Мы были убеждены, что благодаря Музею Тарковского город обретет новую жизнь и станет центром международного культурного паломничества. Нас поняла и поддержала местная администрация во главе с А.М.Васильевым. В частности, семьям, квартировавшим в мемориальном доме, юрьевские власти выделили другое жилье. Ощутимо помогли и власти Ивановской области, и областное музейное объединение. У земляков Тарковского перебивали его актеры — Николай Бурляев, Алла Демидова, Юрий Назаров, Маргарита Терехова... Налегали всем миром. Правда, чтобы Юрьевец стал таким, каким я его вижу, город нужно по-современному обустроить. А для этого понадобится еще несколько лет очень серьезных общих усилий.

Фонд Андрея Тарковского — принципиально некоммерческий фонд. Нам все время по-дружески советуют зарабатывать на Тарковском. Но мы предпочитаем в согласии с самим Тарковским заниматься культурой, и поэтому мы орден босоногих. Разумеется, ни одно культурное начинание — а у нас в работе сразу несколько проектов — невозможно без денег. К счастью, с первых шагов нашего фонда нам стал покровительствовать Инкомбанк, сотрудники которого оказались нашими единомышленниками и даже соавторами в организации мемориальных выставок, вечеров и творческих встреч, в подборе экспонатов, естественно вошли в совет фонда. А первые деньги, которые мы

получили от Инкомбанка, были на Юрьевец, на музей, который мы, по существу, делали вместе.

ТЕПЛЫЙ бревенчатый дом пятью окнами выходит на улицу Андрея Тарковского и одним, боковым, в переулок стушевавшегося Фридриха Энгельса. Такова нынешняя иерархия, с нею охотно соглашаешься, хотя переулку естественнее было бы называться по храму Богоявления, к которому он трудно вздымается.

В годы войны Тарковские вместе с бабушкой занимали в этом доме одну комнату, и на кухне у них был свой угол. На полках и на полу стояли старые чугунки и горшки, жаровня, стеклянные бутылки — одна больше другой — из-под масла и керосина. Все это здесь было и сюда вернулось. То, что москвичам в голодные военные годы удалось обменять на еду, юрьевчане приносят теперь в свой музей.

На музейных стендах можно отыскать родословное древо Андрея Тарковского, разобрать его детские письма, прямо здесь и написанные, рассмотреть семейные фотографии, отдельно — искусно смонтированные кадры из фильмов. А в небольшом зале можно и посмотреть любую из этих лент, кроме "Ностальгии" — ее пока нет в музее.

Но живой нерв дома — та самая комната на четверых, метра по четыре на каждого, с деревянными стенами, деревом под ногами и над головой. Два зеркала, чтобы увидеть себя по поясу, вспоминают съехавших недавно жильцов. А одно — немногим больше ладони — осталось от Тарковских. Раньше оно висело над умывальником. И теперь, кажется, зябко сторожит какую-то последнюю тайну. И, конечно, отсылает к фильму, который недаром так часто нам вспоминался.

Когда на его съемках Маргарита Терехова от бессилия и досады безоглядно выговорила: "И вообще считаю — если снял "Андрея Рублева", больше можно ничего не снимать..." — Тарковский жестко ответил: "Да будет тебе известно, я снимаю свой лучший фильм..."

В создании музея — это мне говорили и в Москве, и в Юрьевце — не оценила помощь сестры Андрея Тарковского — Марины Арсеньевны. Она теперь единственная, кто помнит жизнь мемориального дома изнутри. У нее хранится семейный архив. Она издает отца — поэта Арсения Тарковского, в чьих стихах прочитывается сегодня прямое напутствие:

Живите в доме — и не рухнет дом.

НА ДРУГОМ конце России — не под Нижним Новгородом, а под Новгородом Великим — десять веков стоит Старая Русса. И лишь в течение восьми лет в прошлом веке сюда наезжал Федор Достоевский, писал здесь "Братьев Карамазовых", неделю работал над речью о Пушкине. Но Старая Русса для нас — прежде всего город Достоевского.

Андрей Тарковский жил в Юрьевце еще меньше и только в детстве, но разве не здесь вбирал он те ключевые впечатления, которые затем выплеснулись в его фильмах? Разве не отсюда начался его путь в кино? Уже сегодня ясно: Юрьевец — это где Тарковский.

С возвращением в Юрьевец, Андрей Арсеньевич!

В.РАДИШЕВСКИЙ